

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-111-114

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ О ПРЕКРАСНОЙ ТОРГОВКЕ
В «РАЗГОВОРАХ НЕМЕЦКИХ БЕЖЕНЦЕВ» И. В. ГЁТЕ****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**e-mail: l.siamchonak@psu.by*

В статье проводится сопоставительный анализ вставной новеллы И. В. Гёте из цикла «Разговоры немецких беженцев» с текстом любовной истории о хорошенькой лавочнице маршала Бассомпьера, использованной немецким автором в качестве основы для своего рассказа. Отмечается близость гётевского текста к тексту оригинала. Анализируются изменения, внесенные И. В. Гёте в перевод мемуаров Бассомпьера, позволившие ему сохранить и подчеркнуть новеллистическую природу рассказанной истории.

Ключевые слова: мемуары, новелла, вставной рассказ, жанр, необычное событие, поворотный пункт, мотив чумы.

Введение. Интерес к жанру новеллы – особенность творчества И. В. Гёте послереволюционного периода. В 1794 г. он принимает приглашение Ф. Шиллера о сотрудничестве в журнале «Оры» (*Die Horen*, 1795–1797), на страницах которого были напечатаны «Разговоры немецких беженцев» (*Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten*, 1795). В этом произведении И. В. Гёте впервые обращается к новеллистическим сюжетам в поисках адекватной художественной формы, способной воссоздать нюансы мировосприятия человека эпохи наполеоновских войн и установления капиталистических отношений.

Отправной точкой сюжета «Разговоров немецких беженцев» становится вторжение на немецкую территорию французской армии. Наступление революционных войск заставляет членов знатного семейства покинуть свои владения в приграничной области и переправится на другой берег Рейна. Вынужденный переезд обнаруживает остроту политических разногласий собравшихся, ставшую причиной серьезной ссоры между кузеном Карлом и консервативно настроенным тайным советником фон С. Скандальный отъезд последнего заставляет главу семейства, баронессу, запретить все разговоры «на злобу дня», чтобы «восстановить мир и согласие» в доме [1, с. 133]. Основная причина возникшего конфликта, считает баронесса, – неумение человека управлять собственным нравом, проявляющим себя «слепо и неудержимо» [1, с. 130]. Поэтому основным лекарством для усвоения норм человеческого общежития она видит «поучительные и одушевляющие беседы» [1, с. 133] в кругу родных и близких. Последовавшие за этим «разговоры» членов знатного семейства посвящены обсуждению рассказов, с которыми они знакомят друг друга на протяжении двух вечеров.

Разнообразие жизненных принципов героев рамочного повествования соответствует жанровая вариативность первоисточников, использованных Гёте для вставных рассказов. Это и французский сборник XV в. «Сто новых новелл» (История о прокураторе), и «Мемуары» маршала Бассомпьера (История о прекрасной торговке и история о накидке), и местные былички (История о странном постукивании). Такими же разнообразными по жанровому содержанию являются истории, написанные самим Гёте, одни из которых предлагаются присутствующим в качестве «отменной духовной пищи», другие – в качестве «десерта» [1, с. 139]. И если новеллы первого дня полны тайн, мистики и привидений (здесь угадываются предромантические мотивы, интерес к эстетике ужасного и иррационального), то поучительные рассказы второго дня несут отпечаток эпохи Просвещения с её верой в возможность управлять своими страстями с помощью разума.

В первый день собравшиеся прослушивают несколько историй. «Неслыханность» рассказов первого дня вызывает интерес младшего поколения аристократического семейства. Представленные в них чудеса необъяснимы с позиции рационального сознания и не укладываются в рамки просветительской концепции. Привлекательными для слушателей они становятся потому, «что истинны», а значимость приобретают вследствие своей исключительности [1, с. 152]. Каждый следующий рассказ Гёте вкладывает в уста нового рассказчика, настаивающего на подлинности событий. Священник знакомит всех с историей о певице Антонелли, случившейся в его «бытность в Неаполе» [1, с. 140]; Фриц повествует о происшествии со странным постукиванием в доме друга, «жившего с семьей в старинном замке» [1, с. 149]; Карл ссылается на документальный источник своих историй.

Сюжет «Истории о прекрасной торговке» Гёте позаимствовал из мемуаров французского маршала Франсуа де Бассомпьера (*François de Bassompierre*, 1579–1646) об одном из его любовных походов. Рассказ был опубликован в первом томе воспоминаний, известных под названием «Моё жизнеописание» (*Journal de ma Vie*, 1665) [2, р. 184–188]. Впервые воспоминания маршала были опубликованы в 1665 г. с указанием вымышленного издателя Пьера Марто (Pierre du Marteau) в Кёльне. Полное название двухтомного издания звучало так: *Mémoires du maréchal de Bassompierre, contenant l'histoire de sa vie, et de ce qui s'est fait de plus remarquable à la cour de France pendant quelques années*. Экземпляр, которым воспользовался Гёте при переводе истории о прекрасной торговке для «Разговоров немецких беженцев», представлял собой третье издание, датированное 1666 г. Подтверждением тому служит запись в архивах Веймарской библиотеки герцогини Анны Амалии, указывающая на обращение писателя к мемуарам Бассомпьера в декабре 1794 – январе 1795 года [3, S. 10].

Сопоставительный анализ гётевской истории о прекрасной торговке с текстом оригинала, проведённый в конце XIX в. профессором гейдельбергского университета Фридрихом Мейером фон Вальдеком, обнаружил близость немецкого текста к французскому первоисточнику [4]. Вместе с тем в тексте немецкого автора исследователями был зафиксирован и ряд изменений (смысловых и стилистических) и отклонений от оригинала [5]. Цель данного исследования – анализ причин семантических сдвигов, предпринятых И. В. Гёте в его версии любовного приключения маршала Бассомпьера с прекрасной торговкой. Методологическая база исследования носит комплексный характер и представлена сочетанием структурно-семантического и сопоставительного методов исследования.

Основная часть. Рассказ о прекрасной торговке, не устыдившейся клейма любовницы дворянина и рискующей ради него жизнью, относится к историям первого дня «Разговоров немецких беженцев». Примечательно, что баронесса, выступившая инициатором «*одушевляющих бесед*» [1, с. 133], не присутствует при рассказывании этой группы историй, ведь ни одна из них не соответствует главному условию, озвученному ею в беседе со священником. Баронесса готова слушать лишь те рассказы, в которых «*люди являются нам такими, какими мы хотели бы их видеть*» [1, с. 157]. Речь, соответственно, идёт не столько об историях, которые «*открывают нам человеческую натуру*» [1, с. 136], сколько о рассказах, проецирующих наши желания и изображающих человека таким, каким нам бы его хотелось видеть, идеализирующих его¹. Для достижения гармонии человеку достаточно уметь контролировать свои желания, считает героиня. Баронесса хочет слышать только рассказы поучительные, то есть те, в которых этический выбор героя соотносится с совершенным миропорядком. Её веру в возможность воспроизведения образцовых моделей поведения в жизни ставят под сомнение молодые члены дружеского кружка, отдающие предпочтение историям хоть и неслыханным, но подлинным. Именно такими являются обе истории из мемуаров Бассомпьера, рассказанные Фридрихом. Прямая отсылка слушателей к воспоминаниям известного исторического лица, являющегося непосредственным участником описанных событий, снимает сомнения в подлинности рассказанного и заставляет принять его как факт бытия, расширяющий традиционные представления о мире и служащий обновлению устоявшейся картины мира.

Как убедительно доказал американский германист Генри Ремак, история парижской лавочницы, изложенная в мемуарах Бассомпьера, новеллистична по своей природе [7, S. 23–33]. Именно это и побудило И. В. Гёте включить её в состав «Разговоров немецких беженцев», так как для Гёте типично введение в сюжет крупного произведения параллельных историй, противоположных картин взаимодействия человека и мира. Если поучительные рассказы второго вечера изображают происшествия, вписывающиеся в систему традиционных представлений о мире и моделирующие социально приемлемые образцы поведения, то история о прекрасной торговке ставит под сомнение незыблемость устоявшихся норм и правил.

Гёте не просто перевёл рассказ Бассомпьера, он внёс в него правки, акцентирующие новеллистическую природу первоисточника. История о прекрасной лавочнице превращается у Гёте во вставной рассказ, а, значит, утрачивает присущий воспоминаниям Бассомпьера хронологический контекст, который Гёте компенсирует за счёт усиления интереса маршала к личности удивительной женщины. В гётевской версии восхищение героя лавочницей, которая «*на протяжении пяти или шести месяцев*» наблюдает за ним [1, с. 152], обусловлен не только внешностью женщины, но и её открытостью в проявлении чувств. Торговка не скрывает ни своей любви, ни благоговения перед личностью возлюбленного, ни страстного желания провести с ним ночь. «*Но чего не сделаешь ради того, кого любишь, да ещё если это Бассомпьер! Ради него пришла я в этот дом – ради человека, чьё присутствие облагораживает даже это место*» – заявляет она, подчёркивая сложную природу чувств, приведших её в дом «*известной сводни*» [1, с. 153–154].

В автобиографии Бассомпьера история с «*пригожей лавочницей*» вписана в череду других знаковых событий в жизни маршала. Именно они указывают на исключительность описанных любовных отношений. С точностью документалиста фиксирует Бассомпьер время, место и обстоятельства своего знакомства с необычной женщиной – июнь 1605 года, незадолго до отъезда в Лотарингию, куда маршал должен был отправиться по поручению короля Генриха IV. Выдвинутое лавочницей условие о том, что повторное свидание может состояться лишь в ночь с воскресенья на понедельник, вынуждает Бассомпьера отложить свой отъезд, связанный с выполнением важного государственного поручения. Готовность маршала рискнуть своим положением в обществе ради ещё одной ночи с женщиной низкого происхождения подчёркивает исключительный характер описанного Бассомпьером любовного приключения. Но прекрасная лавочница интересуется исторического Бассомпьера лишь в силу своей физической привлекательности. Ни о каком интересе к личности неординарной возлюбленной речи не идёт. Единственное, что представляется маршалу заслуживающим упоминания, это молодость женщины, её внешние данные (он довольствуется тривиальным эпитетом «хорошенькая») и физическое наслаждение, которое она доставила ему ночью («*...pouvant dire n'avoir jamais veu femme plus jolie, ny quy m'ait donné plus de plaisir pour une nuit, ...*» – «*Я могу сказать, что никогда не видел более красивой женщины и женщины, которая доставила бы мне больше удовольствия за одну ночь ...*»² [2, с. 185]). Акцент на чувственных удовольствиях сделан в мемуарах и при цитировании слов самой лавочницы: «*Je crois que maintenant que vous estes las de cette nuit passée, vous*

¹ В немецком варианте использован глагол «*mögen*» (любить, нравиться): «*in der die Menschen erscheinen, wie man sie gern mag*» (в котором люди предстают такими, какими мы их особенно любим) [6, S. 167].

² Здесь и далее при отсутствии ссылки на русскоязычное издание перевод мой – Л. С.

avés dessein de partir dimanche; mais quand vous vous serés reposé, et que vous songerés a moy, vous serés bien ayse de demeurer un jour davantage pour me voir une nuit – «Я думаю, что сейчас вы чувствуете усталость от проведенной ночи и собираетесь уехать уже в воскресенье; но когда вы отдохнете и вспомните обо мне, вы будете рады задержаться, чтобы провести со мной ещё одну ночь» [2, с. 186].

У Гёте необычный характер происходящего обнаруживается на нескольких уровнях. Во-первых, удивительным для слушателей XVIII в. представлялся образ героини рассказа, отличающейся сексуальной раскрепощённостью, готовностью первой проявить инициативу при общении с мужчиной более высокого социального статуса. Во-вторых, финал рассказа полон тайны в отношении неопознанных «*нагих тел*» [1, с. 155]. Слушателям остается лишь догадываться о судьбе героини, а также о мотивах её загадочного поведения – страстном желании оказаться с Бассомпьером «*между двумя простынями*» [1, с. 153] и стремлении сохранить верность и мужу, и возлюбленному. Станным, наконец, кажется необычайно сильное впечатление, которое лавочница оставила в душе маршала, повидавшего немало женщин: «*Это приключение произошло у меня с особой низкого звания, но, поверьте, не окончись оно столь неприятным образом, оно бы осталось в моей памяти как одно из самых увлекательных походов...*» [1, с. 155]. Во французской версии Бассомпьер лишь отмечает: «*...mais elle estoit sy jolie que je l'ay regrettée, et eusse désiré pour beaucoup de la pouvoir revoir*» – «...но она была такой красивой, что я скучал по ней и очень хотел бы иметь возможность увидеть её снова» [2, с. 188]. Во французском первоисточнике образ торговки обобщен и типизирован. У Гёте, напротив, история с молодой женщиной, подкупающей своей искренностью в выражении чувств, оставляет яркий след в памяти героя. В немецкой версии знакомство маршала с лавочницей приобретает особую значимость в силу расширения субъективного видения героя и изменения его представлений о себе и мире.

Центральным событием становится у Гёте не столько исход запланированной встречи (как это было в мемуарах), сколько трансформация героя. Незначительные уточнения, внесенные в лаконичный тон первоисточника, обнаруживают в поведении аристократа напряжение и томительное ожидание новой встречи. Вместо французского «*j'attendis*» («я ждал») Гёте пишет «*erwartete mit Ungeduld*» («ждал с нетерпением»), вместо «*Je vins a dix heures*» («Я пришел в десять часов») находим «*Um zehn Uhr war ich schon am bestimmten Orte*» («В десять часов я уже был в назначенном месте»). И далее: «*Je... trouvoy la porte*» («Я нашел дверь») – в немецком варианте «*Ich fand die Türe ... sogleich*» («Я тут же нашел дверь»); «*Je frappay*» («Я постучал») – «*Ungeduldig fing ich an zu klopfen*» («С нетерпением я начал стучать»); «*estant revenue pour la seconde fois*» («вернувшись во второй раз») – «*Endlich zog mich das Verlangen wieder nach der Türe*» («В конце концов, страстное желание вынудило меня вновь вернуться к двери») [6, с. 164]. Возрастающее волнение Бассомпьера придаёт новелле динамизм и подводит к кульминационному моменту. Страсть гонит маршала к заветной двери даже после того, как он услышал за ней «*тишь мужской голос*» [1, с. 155]. Поворотный пункт наступает, когда Бассомпьер, проникнув в дом, обнаруживает в комнате, обещавшей море наслаждений, распостёртые на столе тела и мужчин, сжигающих тюфяки. Странное зрелище открывает маршалу глаза на силу страсти, созидательной и разрушающей одновременно. Нежелание отказаться от своих чувств побуждает красавицу нарушить этикет и нормы морали. Страстное желание провести с незнакомкой ночь заставляет аристократа прохаживаться перед домом женщины низкого звания. Оно же вынуждает его искать с ней встречи вопреки чумному поветрию, обнаруживающемуся «*то здесь, то там*» [1, с. 153].

Одним из мотивов, претерпевшим изменения в гётевском варианте, является мотив чумы. Если у Бассомпьера развязка истории оказывается для читателя полной неожиданностью, то у Гёте упоминание чумы и намеки на опасность, которую таит желание героев быть вместе, встречаются на протяжении всего рассказа. Сначала слуга говорит о необходимости обратиться только к знакомой сводне, «*поскольку то здесь, то там, всё ещё объявляется чума*» [1, с. 153], а в конце новеллы упоминаются языки пламени, не оставляющие сомнений в происходящем. Но власть чувственного влечения ослепляет героев, заглушает голос рассудка и гонит навстречу смерти.

Повествователь не даёт анализа произошедшему. Создание завершённой картины не входит в компетенцию новеллы как жанра, поэтому остается открытым вопрос: «Была ли прекрасная торговка одной из умерших?». Вместе с тем заключительные комментарии маршала о немалых усилиях, приложенных им, чтобы разузнать о судьбе лавочницы, указывают на изменение его отношения к красавице, расширение субъективного видения героя.

Заключение. История о прекрасной лавочнице трансформируется у Гёте из мемуарной прозы в самостоятельный рассказ, а, значит, утрачивает присущий воспоминаниям Бассомпьера хронологический контекст. В истории Гёте неслыханным оказывается факт готовности женщины вырваться из мира социальных условностей и реализоваться через проявление своих симпатий. Необычное любовное приключение маршала Бассомпьера приобретает значимость в силу изменения представлений героя о силе чувственного влечения. Созерцание мертвых тел, знаменующее поворотный пункт новеллы, открывает лавеласу мощь настоящей страсти, созидательной и разрушающей одновременно. Образ прекрасной торговки растворяется в языках пламени, оставляя в душе Бассомпьера незабываемые воспоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И. В. Разговоры немецких беженцев : пер. с нем. // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6: Романы и повести ; коммент. Н. Вильмонт. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 121–220.

2. Bassompierre F. Journal de ma vie. Mémoires du Maréchal de Bassompierre. – Paris: Renouard, 1870. – Т. 1. – 450 p.
3. Goethe als Benutzer der Weimarer Bibliothek: ein Verzeichnis der von ihm entliehenen Werke / bearb. von E. von Keudell; Hrsg. mit einem Vorwort von W. Deetjen. – Weimar: Böhlau, 1931. – 391 S.
4. Meyer von Waldeck F. Die Memoiren des Marschalls von Bassompierre und Goethes Unterhaltungen der Ausgewanderten // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen: begr. von L. Herrig ; Hrsg. St. Waetzoldt und J. Zupitza. – 1891. – Bd. 87. – S. 252–255.
5. Kraft W. Von Bassompierre zu Hofmannsthal. Zur Geschichte eines Novellenmotivs // Wort und Gedanke. Kritische Betrachtungen zur Poesie. – Bern; München, 1959. – S. 132–173.
6. Goethe J. W. Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe): in 14 Bdn.; Hrsg. E. Trunz. – München: dtv, 1998. – Bd. 6: Romane und Novellen I. – S. 125–241.
7. Remak Henry H. H. Structural elements of the German novella from Goethe to Thomas Mann. – New York [u.a.]: Lang, 2001. – 322 p.

Поступила 14.04.2023

THE ARTISTIC PECULIARITIES OF THE STORY ABOUT THE BEAUTIFUL SHOPKEEPER IN GOETHE'S "CONVERSATIONS OF GERMAN REFUGEES"

L. SIAMCHONAK
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article is devoted to the comparative analysis of Goethe's novella from the cycle "Conversations of German Refugees" with the text of a love story about a beautiful shopkeeper of Marshal Bassompierre, used by the German author as a basis for his novella. The closeness of Goethe's text to the original is noted. The changes made by J.W. Goethe in the translation of Bassompierre's memoirs, which allowed him to preserve and emphasize the novelistic nature of the story told, are analyzed.

Keywords: *memoir, novella, insert story, genre, unusual event, turning point, plague motif.*